

Цзяньцзя с гордостью кивнула: «И это ещё не всё. В нашей академии преподавание устроено иначе, чем в других местах — оно строится в соответствии с интересами учеников. Помимо обязательных дисциплин — государствоведения и ритуала, — студенты могут по своему желанию выбирать дополнительные занятия: верховую езду, стрельбу из лука, музыку, арифметику, каллиграфию и живопись. Расписание тоже составляют сами. Ежедневная нагрузка невелика, чтобы у учеников оставалось больше времени для самостоятельных занятий».

«Но если дать такую свободу, не станут ли студенты лениться и учиться спустя рукава?» — поинтересовался Дуань Минчэнь.

Цзяньцзя улыбнулась: «Нет, не станут. Во-первых, учителя задают задания, которые нужно выполнять в срок и сдавать на проверку. Во-вторых, каждый месяц проводятся малые экзамены, а каждый квартал — большие. Если студент дважды подряд провалит большой экзамен, его отчислят».

Гу Хуайцин восхищённо заметил: «Методы преподавания в Академии Цзиньцзян и впрямь уникальны. Неудивительно, что отсюда выходит столько талантов!»

Цзяньцзя скромно ответила: «Вы слишком любезны, господин Дуань. Но наш директор и вправду отдаёт академии все силы, вкладывает в неё душу».

Дуань Минчэнь сказал: «Директор Ледяное Сердце и вправду удивительная женщина, но и без такой способной помощницы, как вы, Цзяньцзя, ей было бы не справиться».

Цзяньцзя покраснела от похвалы: «Вы слишком добры, я лишь стараюсь выполнять свои обязанности как могу».

После полудня солнце палило нещадно. Небо было чистым, без единого облачка, и хотя на дворе стояла весна, жара напоминала знойный летний день.

Дуань Минчэнь и Гу Хуайцин, обойдя всю академию, изрядно вспотели. Гу Хуайцин даже пожалел, что не взял с собой любимый складной веер на чёрных рёбрах — хоть немного обмахивался бы.

Дуань Минчэнь, видя, что Гу Хуайцин весь покрылся испариной, подумал, что продолжать бродить под палящим солнцем — не лучшая затея. Нужно где-нибудь перевести дух. Он предложил: «Давайте заглянем в общежитие, проведаем Фан Цзя. Интересно, устроился ли он?»

Цзяньцзя улыбнулась: «Общежитие совсем рядом, я провожу вас к господину Фану».

Свернув с площадки на восток, они вышли к студенческому общежитию — «Юэвэй». Поскольку это были мужские покои, Цзяньцзя, как девушке, заходить туда было неловко, и она позвала зрителя — Линь Цю.

Поблагодарив и попрощавшись с Цзяньцзя, Дуань Минчэнь и Гу Хуайцин последовали за зрителем Линь Цю, чтобы навестить Фан Цзя.

Общежитие «Юэвэй» состояло из нескольких десятков комнат, расположенных в три ряда. В первых двух жили студенты, в последнем — преподаватели.

Поскольку академия стояла на склоне горы, и спускаться вниз было неудобно, студенты и

учителя постоянно жили здесь. На одну комнату приходилось по два студента, а преподавателям полагались отдельные покои.

Комнату Фан Цзя отвели в удачном месте — с видом на озеро, откуда были видны Павильон Тяньи и Павильон в сердце вод на острове посреди водной глади.

Фан Цзя, уставший после утреннего подъёма по горной тропе и визитов к учителям вместе с инспектором Ли Ли, после обеда остался в комнате отдыхать.

Когда Дуань Минчэнь и Гу Хуайцин пришли его навестить, он ещё спал. Услышав стук, юноша поднялся с кровати и открыл дверь. Сонный, не до конца проснувшийся, он пробормотал: «А... двоюродный брат, старший брат Гу... вы ещё здесь?»

Дуань Минчэнь слегка шлёпнул его по макушке: «Неблагодарный глупыш! Как я спущусь с горы и отчитаюсь перед твоей матушкой, если не удостоверюсь, что ты устроился?»

Фан Цзя, прикрывая голову, возмутился: «Двоюродный брат, не бей по голове! Ты мне весь ум отобьёшь!»

Гу Хуайцин, войдя, осмотрелся. Комната была невелика, но содержалась в идеальном порядке, и в ней имелось всё необходимое. У окна стояли два письменных стола, у стены — просторный книжный шкаф, аккуратно заполненный книгами, многие из которых касались музыки. В глубине комнаты стояли две узкие кровати.

«А кто твой сосед?» — спросил Дуань Минчэнь.

«Дядя Ли сказал, это сын маркиза Юнъяня, Янь Цзюнь. Он перевёлся сюда месяц назад, так что тоже новичок. Но сейчас он, наверное, на занятиях, ещё не вернулся».

Дуань Минчэнь вспомнил, что директор Ледяное Сердце упоминала о визите госпожи маркиза Юнъяня — наверное, та приехала навестить сына.

Маркиз Юнъянь, Янь Лян, пользовался доверием ещё при прежнем императоре. Будучи влиятельным сановником при двух поколениях правителей, он обладал реальной властью и занимал одно из виднейших мест среди знати. Инспектор, поселив Фан Цзя вместе с сыном маркиза, явно оказал тому услугу. Вот только неизвестно, каков сам Янь Цзюнь, легко ли с ним будет ужиться.

От шлепка Фан Цзя окончательно проснулся и с новыми силами принялся болтать с гостями.

Дуань Минчэнь видел: хотя юноша и держался бодрячком, если бы его сейчас оставили одного, ему наверняка стало бы тоскливо. Всё-таки пятнадцать лет, впервые живёт вдали от дома.

Дуань Минчэнь позволил ему поболтать. Фан Цзя, будучи говорливым от природы, разошёлся не на шутку, и большую часть времени говорил он, а Дуань Минчэнь лишь изредка вставлял слово-другое.

Гу Хуайцин, слушая их, начал клевать носом и в конце концов уснул, положив голову на стол. Когда он вновь открыл глаза, за окном уже сгустились сумерки.

Гу Хуайцин пошевелился, и накинутая на плечи верхняя одежда соскользнула. Дуань Минчэнь, не привлекая внимания, поднял её, сложил и положил на стол.

Гу Хуайцин потёр лицо и спросил: «Который час? Нам пора?»

Дуань Минчэнь уже собирался ответить, как дверь с лёгким скрипом открылась, и в комнату вошёл молодой человек, державший в руках гуцинь. На нём была стандартная белая одежда академии, черты лица — изящные, взгляд — спокойный. Весь его облик дышал холодноватым аристократизмом и утончённостью.

Юноша явно не ожидал увидеть в комнате троих незнакомцев и замер на месте.

Фан Цзя первым опомнился и, подойдя с улыбкой, сказал: «Вы, должно быть, Янь Цзюнь? Я — Фан Цзя, мой отец — левый советник Управления передач. Я только что прибыл в академию, и смотритель поселил меня с вами. Надеюсь в будущем на вашу поддержку!»

«А, господин Фан, почёт познакомиться!» — Янь Цзюнь поставил гуцинь на свой стол и, следуя принятому среди учёных этикету, обменялся с Фан Цзя поклонами, что и стало формальным знакомством.

Фан Цзя представил Янь Цзюню Дуань Минчэня и Гу Хуайцина. Услышав имя последнего, Янь Цзюнь едва заметно изменился в лице, но хорошее воспитание не позволило ему выказать какие-либо эмоции. Он вежливо поклонился обоим.

Дуань Минчэнь внимательно разглядел Янь Цзюня. Тот, несмотря на некоторую холодность и отстранённость, обладал ясным взором и изысканными манерами — сразу видно, выходец из знатной семьи, безупречно воспитанный. Фан Цзя, живя с таким соседом, возможно, и сам перенял бы что-то хорошее и стал менее порывистым. Дуань Минчэнь мысленно одобрил это соседство.

Фан Цзя, обладая природной способностью легко сходитья с людьми, несмотря на сдержанность Янь Цзюня, вскоре завёл с ним оживлённую беседу.

Из-за их разговора на улице окончательно стемнело, и Янь Цзюнь предложил: «Горная тропа крута и опасна, спускаться в темноте неудобно. Если вы не против, можете переночевать в академии и уйти утром».

Фан Цзя его поддержал: «Да-да, двоюродный брат, старший брат Гу, оставайтесь на ночь! Ведь завтра у вас выходной».

Воздух в горах был свеж, пейзажи прекрасны — остаться на ночь и впрямь казалось хорошей идеей.

Дуань Минчэнь взглянул на Гу Хуайцина и, не увидев возражений, спросил: «А где мы можем остановиться?»

Янь Цзюнь ответил: «К западу от общежития есть несколько гостевых комнат для родственников студентов. Когда мои братья приезжали, они останавливались там. Нужно лишь сообщить смотрителю».

Смотритель быстро подготовил для Дуань Минчэня и Гу Хуайцина комнаты. Гу Хуайцин, по старой привычке, настоял на отдельном помещении. Дуань Минчэнь, зная его особенности, не стал возражать. К счастью, в тот день кроме них гостей не было, и комнат хватало.